

Философия. Социальная философия

УДК 111

О.В. Соколова

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ ФИЛОСОФИИ В СТРУКТУРАХ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

В современном мире философия в поисках собственного «места» в пространстве «смысла», то есть в поисках собственных онтологических оснований, достигает предельного состояния. Началом и концом философии, как способности к философствованию и мышлению, был и остается человек. Однако в мире господства технологий, реализации биополитики и беспрецедентного развития техники человек как существо экзистенциальное объективируется в структурах социальной действительности, теряя способность мыслить. Человек определяется исключительно как мыслящий субъект, следовательно, исключительно как языковой субъект. Язык всегда избыточен по отношению и к действительности, и к человеку. Он как бесконечная множественность продуцирует бесконечное множество новых смыслов. Поскольку язык – это Ничто, постольку «местоположение» его – пространство «между», которое выставляется в паузе, пробеле, цезуре. Это то, что не принадлежит самому существованию, но со-существует с ним. Это и есть собственно бытие, бытие смысла. Смысл всегда выносится за пределы существования, но самоопределяется только в точке *со-бытия*. *Со-бытие* всегда предполагает наличие другого бытия, которое всегда больше, чем одно. *Со-* становится основанием новой современной онтологии, снимающей декартовский дуализм в структурах множественности. *Со-* – это возможность бесконечного множества конфигураций смыслов, которые образуются движением и касанием множества людей, существующих в социальном пространстве полиса.

Ключевые слова: философия, метафизика, предел, деконструкция, избыточность, множественность, двоица, декартовский дуализм, основание, присутствие, «между», коммуникации, конфигурация, со-бытие, «единичное / множественное», полис.

Философия в современном мире оказалась под вопросом. Речь идет не просто о положении философского знания наряду с другим знанием. Философия «теряет» свое место в пространстве человеческого существования. М. Хайдеггер в работе «Что зовется мышлением» вслед за Ницше констатирует потерю своего «места» философией как утрату человеческой способности мыслить. «Пустыня растет» становится девизом современного мира. Человек до сих пор остается в состоянии еще не установленного животного. До сих пор он представлялся как *animal rationale*, то есть, прежде всего, как существо физическое, или как животное. Для того, чтобы стать собственно человеком и преодолеть свою животность, человеку необходимо выйти за границы телесности, то есть в сверх-физическое. *Сверх-* – это и есть то самое *мета-*, которое позволяет оказаться *над* физическим. Человек, по сути, – метафизическое существо. Таким образом, мы необходимо оказываемся в пространстве метафизики, или философии.

В современном мире вопросы: «готов ли человек принять себя как метафизическое существо?», «готов ли человек к философствованию?» – остаются по-прежнему актуальными. Предсказанный Ницше процесс «опустынивания земли» продолжается. «Это мир, который не стремится составить мир, мир, страдающий от отсутствия мира и смысла мира. Это некий перечень: на самом деле, то, что здесь выступает на поверхность, это число, пролиферация полюсов притяжения и отталкивания. Это нескончаемый список: действительно, всё происходит так, как если бы всё было сведено к составлению этого списка для бухгалтерии, не имеющей никакого итога. Это молитва – но молитва, полная страдания и потеря, жалоба, ежедневно рвущаяся из уст миллионов беженцев, депортированных, осажденных, искалеченных, голодающих, изнасилованных, отрезанных, исключенных, высланных и изгнанных» [2. С. 9].

Ж.-Л. Нанси констатирует факт утраты *смысла*. Сегодня он просто изгоняется из человеческого сообщества. Существование философии оказалось на пределе. Вопрос по поводу собственной сущности неотложно. Вопрос о смысле человеческого существования оказывается радикальным. Базовые принципы и положения, на которых покоилась классическая философия, уже давно «не работают». Философия «утратила» свои начала с приходом Ницше, который указал на отсутствие любого основания.

Попытку деконструкции базовых оснований философии предпринимает А. Бадью в работе «Манифест философии». Вопрос сущности философии в наше время сохраняет свою фундаментальность. Во-первых, А. Бадью указывает на то, что при первом рассмотрении философия движется «окольными путями». Такие известные философы, как Лакан, Лаку-Лабарт, Лиотар, Делез, пишут и размышляют обо всем, «кроме философии». Во-вторых, философия оказалась «пойманной в свои же сети». Последней целью философии всегда было достижение абсолютной истины мироздания. Однако перед политическими и историческими преступлениями XX века философия «замолкает». Она не в силах промыслить «неосмысляемое». «Оцепеневшая от трагичности своего предполагаемого предмета – истребления, концлагерей – философия преобразует собственную невозможность в трагическую позу» [1. С. 12]. Именно в этой ситуации и возникает вопрос «конца» философии. В-третьих, категория субъекта также оказывается под вопросом. Сегодня субъективность достигла своего свершения в тотальной объективации человека и мира. Превосходство субъекта в картезианской конфигурации в пространстве философского текста трансформируется сегодня в господство техники. Техника является местом свершения *не-мысли*. Техника полностью объективирует субъекта. Субъект исчезает. Мысль и субъективность сегодня сохраняются только в поэтической речи. Поворот к *матеме* или языку логики уже свершился у Платона. Идея Платона, по мнению Бадью, является завершением эпохи бытия.

При каких условиях возможна философия? А. Бадью выделяет четыре условия существования философии: математика, поэма, политическое изобретение и любовь. Наличие истины в каждой родовой процедуре конституирует философию. Однако в этой ситуации философия не производит самостоятельно никаких истин. Чтобы возникла истина, необходимо дополнительное означающее, или новое имя. Здесь возникает вопрос: что порождает это имя? Цель философии заключается в том, чтобы предложить то понятийное пространство, которое бы делало возможным событие и именовало истину. Философия, по Бадью, является местом истин, местом новых имен и их совозможности.

Выделенные Бадью четыре условия философии, по его мнению, как правило, ограничивают или блокируют ее. В зависимости от исторической ситуации философия передает свои функции одному из возможных условий. Такое положение обозначается понятием «шва». Одним из *швов* является позитивистский *шов*, где философия берет на себя функцию науки и пытается формировать законченную систему научных истин. Этот *шов* нас также отсылает и к классической метафизике, где философия является универсальной системой знаний, вырабатывающей универсальные законы существования. Нельзя не заметить и того, что «настоящая» западноевропейская современная философия сводится к аналитической философии. *Шов* философии с политическим изобретением предъясняется как идеология. Здесь философия полностью упраздняется. Марксизм, вообще, «скрестил два шва, политический и научный». Итак, «если философия, начиная, вероятно, с Гегеля, кружит в своей мучительной неопределенности по кругу, то дело тут в том, что она – пленница сети *швов*, пришитая к своим же условиям, в первую очередь к научным и политическим, которые препятствуют ей сформировать их общую совозможность» [1. С. 37]. Философия необходимо должна снять с себя все возможные *швы* и открыть пространство множественности.

А. Бадью предлагает положить в основание философской онтологии идею множественности. Множественность всегда оказывается неопределенной, а это означает, что она всегда будет избыточной по отношению к определенности. Именно множественность наделяет полнотой реальности бытие. Множественность всегда оказывается за пределами именуемой множественности. Если представить множественность как начало существования в виде неразличённости, или неразличённого потока, то избыточность возникает в тот самый момент, когда происходит различение этой множественности. Сам интеллектуальный акт, который является актом различения неразличённости, избыточен по отношению к неразличённой множественности. Это событие различения всегда уже-есть свершившееся. Это тот некий язык во всей своей полноте, который никогда не представлен полностью. Бадью называет это бытие бытия «блуждающим избытком».

По сути, речь идет о том, чтобы философия стала местом «имения места», через которое могли бы выговариваться новые смыслы. Смыслы должны иметь возможность представимости и манифестации. В этом отношении наука становится одним из возможных способов предъяснения бытийствующего мышления. Как абсолютно верно замечает Бадью, «наука бесполезна», особенно современная наука, чьи понятия и категории не имеют никакого отношения к существующей действительности: «...Наука как наука, то есть взятая в своей истинностной процедуре, глубоко бесполезна – не считая того, что она безусловным образом утверждает мысль как таковую» [1. С. 29].

Для достижения «множественности» необходимо преодолеть *Двоицу*. *Двоица* выстраивается на различении субъекта и объекта. Все заявленные условия философии в качестве родовых процедур на пределе *Двоицы* достигают предела бинарной структуры, а именно: в политике – демократия и тоталитаризм (две взаимоисключающие формы правления, которые сегодня полностью себя исчерпали); в любви – мужское и женское (сегодня они становятся неразличимыми, и, как следствие, возникает «нулевой» пол); в науке – претензия на объективность научного знания оборачивается субъективностью и относительностью теоретических построений. Человечество пытается преодолеть *Двоицу* в Едином. Однако само противопоставление «Единое – Двоица» имеет ту же структуру *Двоицы*. Поэтому Бадью призывает к осмыслению *Двоицы* и «отправление двоицы».

Следует отметить, что Бадью, на первый взгляд, разрешает картезианскую проблему, преодолевая декартовский дуализм в идее «платоновской» множественности. Однако, как и Декарт, Бадью теряет субъекта, именуя его «индивидуальностью». «О субъекте скажем, что он составляет конечный момент родовой процедуры. В этом смысле примечательно заключить, что субъект существует лишь в рамках свойственного одному из четырех типов родового строя. Любой субъект – художественный, научный, политический или любовный. Что, впрочем, любой знает из опыта, ибо вне этих регистров имеется только одно существование – или индивидуальность, – а не субъект» [1. С. 71] Субъект полностью объективируется в структурах социального. Субъективность, как и у Декарта, субъекту не принадлежит. В этом случае бытие становится трансцендентальным, а собственно философские смыслы сводятся к математике, которую Бадью считает единственно возможной мыслью о бытии-как-бытии, «поскольку она оказывается бесконечной записью чистой множественности, множественности без предиката, в пустую мощь буквы, и такова основа того, что дано, схвачено в своем предьявлении. Математика – это действенная онтология» [1. С. 71].

Таким образом, Бадью задает конструкт *множественности* как возможности преодоления дуалистической традиции. На наш взгляд, эта идея очень продуктивна, именно как идея преодоления *Двоицы*, которая в современном мире оказалась на пределе смыслов. Безусловно, философия должна для себя открыть новый этап развития – этап множественности без Единого основания. Поскольку мы принадлежим эпохе «большого языкового поворота» (Лиотар), постольку мы необходимо находимся в языке, который событийно осуществляется как способность различения и поименования. Всё, что находится за пределами языка как непоименованное, следовательно, избавленное от языка и мысли, должно принять форму не «невыносимого и невыразимого опыта», а форму родовой «неразличимой множественности». Ввиду того, что эта неразличимость как множество становится поименованной, у человека возникает ответственность за то, что он производит. Он не может отстраниться от знания как незнания чего-либо; именуя множественностью то, что пока молчит, он в любое время готов к свершению со-бытия, в котором неопределенная множественность трансформируется в нечто определенное. Человек сохраняет субъективность без отсылки к объекту. Таким образом, субъективность некоторым способом самоопределяется в структуре «множественное – единичное» или «единичное – множественное». Истина в этом случае отождествляется с самим событием и становится способом предьявления субъективности. Истина как результат пост-событийна. Событие является разворачиванием множественности в единичность. Сама множественность становится тем, что организует «присутствие», которое является лишь чистой кажимостью. Присутствие и есть то самое место «имения» субъективности, которая разворачивается как производство множества истин.

Проблема, которая возникает у Бадью заключается в том, что язык множественности субъекту не принадлежит. Язык объективируется в бесконечных математических теоремах и формулах, которые оказываются за пределами индивидуального человеческого существования. Здесь человек полностью исключается из процесса производства истины. Возникает вопрос: каким образом субъективность как тотальная множественность производит и воспроизводит себя? И где собственно философия, если *бытие-как-бытие* отождествляется с математикой?

Продуктивность идеи множественности нашла свое выражение и в концепции Ж.-Л. Нанси в его работе «Бытие единичное множественное». Как отмечает автор, «философия страдает от отсутствия своей “формы”, то есть своего “стиля”, то есть, в конце концов, своего обращения» [2. С. 11]. Нанси, как и Бадью, фиксирует состояние философии как предельное состояние. Философия обращается ко всем видам сущего. Но что составляет суть обращения к самой себе? Если философия есть исключительно мышление, значит должна существовать форма обращения мышления к мышлению. В этом случае философия становится «философией», или вопрошающим субъектом. Кто является

вопрошающим субъектом? Мышление в языке «имеет место» быть, то есть имеющее место мышление есть собственно бытие. Бытийствующее мышление обращается к самому себе, как к Другому бытийствующему мышлению. Возникает со-бытие бытия в точке языка. Это со-бытие предъясняется как «бытие-друг-с-другом». Необходимо разобраться в сущности самого обращения.

Бытие не имеет смысла, так как циркуляция смысла самого по себе является бессмыслицей. Неопределенность смысла отсылает нас к Ничто. Сами по себе понятия «мышление», «бытие», «мир» не имеют никакого смысла, потому как это только понятия. «Смысл» имеет смысл только в разделенности, в бытии-друг-с-другом. Само при-сутствие должно быть разделено внутри себя. Ведь не может быть при-сутствия, если нет от-сутствия, то есть в самом себе при-сутствие автоматически раскалывается на-двое. Эту двойственность, как отмечал уже Шеллинг, дедуцировать невозможно. Эта двойственность является принципом существования природы. Природа всегда уже-существует как продукт и продуктивность одновременно. Если предположить, что продукт и продуктивность две равнозначные взаимоисключающие силы, то они должны, столкнувшись, уничтожить друг друга. Шеллинг разрешает эту проблему следующим образом: необходимо ввести понятие постоянного воспроизведения продукта для его устойчивого пребывания. «Продукт следует мыслить в каждый момент уничтоженным и в каждый момент вновь воспроизведенным» [5. С. 197]. Таким образом, продукт находится не в состоянии пребывания, а в состоянии постоянного воспроизведения. Продукт становится иллюзорным. Продуктивность не может быть бесконечной, продукт не может быть конечным. Продукт должен быть одновременно бесконечным и конечным. Конечность продукта исчерпала бы бесконечность продуктивности. Возникает вопрос, как сохранить продуктивность и продукт? Шеллинг отмечает, что в точке торможения продуктивности и создания продукта, продукт постепенно оседает и выступает из общего тождества. Продуктивность же продолжает свое движение. Что есть продуктивность? По сути, это и есть смысл, который сам себя воспроизводит и сам себя уничтожает. «...Сам по себе смысл является разделением (partage) бытия. Смысл начинается там, где присутствие не является чистым присутствием, но разъединено для того, чтобы самому быть в качестве такового» [2. С. 17]. Смысл оказывается в самом разделении, он «между», он опространствливается. Опространственный смысл есть бытие, в самом себе разделенное. Бытие, таким образом, изначально множественно.

Поскольку бытие – это, прежде всего, бытие языка, постольку язык обращен к миру для того, чтобы его произвести. Язык, по сути, ничто. Ничто, предъясняя и производя себя, производит себя как «вещь», которая сама в себе уже есть вещь. Они тождественны друг другу лишь мгновение, и далее в процессе циркуляции язык «разрушает» настоящее и снова «обернувшись» его создает, воспроизводя «уже-новую» «вещь». Смысл бытия есть само бытие.

Произведенная языком вещь есть сущее, которое в самом себе разделено и содержит не-сущее или ничто. Сущее, которое есть, указывает на собственную единичность и уникальность. Однако оно не имеет никакого смысла само по себе. Уже имеющееся в нем бытийствующее ничто готовит «место» для собственного предъяснения, или о-пределения, которое задается как предел или граница, организуемая как «между-местье». «Между» задает существование Другого, как собственного предела. Самоопределение сущего всегда требует исключения из другого сущего, которое «уже – есть» как Другой. Войти в контакт, касание с Другим означает начало организации смысла. Поскольку для утверждения смысла необходимо множество, постольку мир и его начало, или исток, есть уже-данная единичная множественность. Исток, или источник, есть ничто, или *nihil*, или ноль. Это точка. Точка, из которой Николай Кузанский разворачивает весь мир. Точка тождественна сама себе, но не равна самой себе. Она имеет свойство раз-множаться бесконечно, воспроизводя саму себя. Исток это точка пересечения и схождения смыслов, которое объективируется в сосуществовании инаковых идентичностей. Мир не просто до-полнен, он всегда из-быт-очен, о-тяг-ощен истоком, или началом. Единственно сущего не может быть из-начально. Связкой между миром и его избыточностью, или началом, является субстантивная с-, или со-, которая и определяет кон-фигурацию «между». «С-» задает расположение смысла. Сама избыточность стремится «наружу», что и есть «наружа» «бытия – вне – себя», чтобы, сделав виток воспроизведения, вернуться «внутри» к «бытию-к-себе». От-чуждение, то есть движение в направлении к Другому, оборачивается при-своением себе себя как «Я». Это и есть со-бытие бытия.

Со-бытие бытия разворачивается во времени, которое опространствливается: ис-ход – у-ход – под-ход – при-ход. Ис-, у-, под-, при- – это разные дис-позиции место-положения смысла. Смысл всё время циркулирует, некоторым способом предъясняясь. Смысл создает образ самого себя и оставляет

«след» как со-творенное, как экс-позиция, как экзистенция. Смысл всё время при-сутствует в мире, но, по-прежнему, ускользает из него. Это скольжение и есть собственно движение смысла, которое своим истоком и концом имеет Ничто. Движение приобретает форму спирали, или витка. Движение всегда возвращающееся и оборачивающееся. Новый смысл – это новый поворот смысла. Изменение конфигурации влечет за собой изменение сущего. И, наоборот, границы сотворенного сущего меняют конфигурации смыслов.

В связи с вышеизложенным возникает необходимость вопрошания по поводу истока, или начала философии. Место-положение философии есть некая конфигурация, которая задается границами «между». Это ее избыток, или смысл. Изначально философия вы-ступает, про-ступает как единичное начало. Началом философии в каноническом смысле является онтология. Онтология уже в себе содержит со-бытие бытия и логоса. Между ними возникает «зазор», или «разрыв», то самое «между», где начинает циркулировать собственно смысл «первой» философии. Поскольку онтология имеет свой собственный голос, постольку она «говорит». Что или кто является говорящим бытием? Говорящий. Говорящим может быть только субъект, или «Я». В связи с тем, что со-бытие предполагает избыточность «Я» как его исключение и взаимоположение, наряду с «Я» возникает «Мы». Следовательно, местоположением бытийствующего субъекта является полис, место со-общества. Полис есть место и способ предьявления Логоса, который организует коммуникативное со-общество. Непреодолимая исключенность декартовского субъекта из субстанции протяжения (Декарт решает этот вопрос формально: «рассуждения об *ego sum*» являются ничем иным, как «тем внутренним знанием относительно мышления и бытия, которое всегда предшествует продуманному и является врожденным у всех людей, так что [...] мы можем вообразить, будто лишены этого знания, но не можем быть лишены его в действительности» [2. С. 59]) оборачивается у Нанси включенностью этого субъекта в «мы» как способа существования субъекта в пространстве сущего. *Ego sum* в этом случае не требует доказательств, так тождество субъекта и объекта соизначально. *Cogito* разворачивается в *sum*.

Сингулярность у Нанси понимается как множественность, что означает «один» как «один за другим». «Единичный» становится «каждым», то есть тождество не есть равенство (Н. Кузанский). Единичность изначально предполагает и содержит в себе множественность. Эта единичность и является ис-током бытия. Бытие оказывается размноженным бытием из-точки. Поскольку единичное – это множественное, постольку субъект не является субъектом в отношении к самому себе. Субъект – это не Я, это не Ты, это конституированное различие «Я» к «Себе» как к «Я – Другому» или «Мы». Множественность – это сочетание единичностей, тождественных друг другу. Здесь нет необходимости вводить «третью субстанцию» (Декарт), или трансцендентального субъекта (Гуссерль). Проблема воспроизводства субъективности снимается в самой конфигурации этого соотношения. «Со-бытие» трансформируется в «одно-с-другим». Эта избыточная «с» и является точкой начала движения. Эта «с-» и является, по Нанси, шифром онтологии.

«Со-» предполагает время. Оно включается автоматически, как только появляется «с-». «Вместе» – это не только со-в-местное владение пространством, но это также и совместное владением временем в пространстве со-бытия. Время всегда со-временно. Со-временность (ударение на первом слоге) есть соположенность бытия и сущего. Через Логос, или говорящего субъекта, бытие выставляет себя «наружу», но всегда в качестве «мы», так как сам процесс вы-ставления есть движение от «Я» к «Другому», или «мы». Бытие проговаривается посредством субъекта, который выставляется «наружу» «мы» и затем, циркулируя во множественности полиса, возвращается к «Я». Бытие всегда как будто «спрятано», оно всегда «за» в виде образа, «следа».

Эксплицитно бытие всегда уже изначально «раскрыто», потому что оно предьявляется только как со-бытие. Однако «раскрытое», «явленное» бытие – это всегда бытие объективированное или существующее, представленное самому себе. Здесь Нанси замечает следующее: «Известно, что ... чувственная явленность одним движением конституировалась и игнорировалась в силу требования, выдвигаемого интеллигибельной реальностью, точно так же, множественность конституировалась и игнорировалась как вторичная по отношению к единице. Соответствующим образом публичная явленность конституировалась и игнорировалась в силу предпочтения, отдаваемого внутренней и теоретической реальности...». Очевидно, что Нанси выступает против «платоновского жеста» А. Бадью. Мы оказываемся в пространстве «порочного круга». С одной стороны, бесконечная объективация бытия в разных моделях общества и полное «уничтожение» субъекта и субъективности; с другой стороны, отчуждение, или уход в идеальные, воображаемые, теоретические конструкторы, которые ничего обще-

го не имеют с «действительностью» и могут лишь репрезентировать собственную «реальность» в пространстве предъявления социальному «правдоподобных» мыслительных конструкций. Эту проблему невозможно решить с позиции «двоицы», то есть с точки зрения субъект – объектного отношения; необходимо задаться вопросом сущности самой связи, самой диспозиции, самого отношения, в котором находятся эти понятия.

Бытие должно стать беспредпосылочным. Бытие как местоположение философии не должно быть пред-по-ложено. С этой задачей прекрасно справляется М. Хайдеггер в своей работе «Положение об основании». Задаваясь всё тем же вопросом о сущности бытия, Хайдеггер обращается к вопросу об основании существования.

Всё, что есть, «уже существует», соответственно, оно уже имеет некое основание как «уже существующее». Отсюда «Ничего нет без основания». «*Nihil est sine ratione*». Основание находится в некотором отношении к рассудку человека. Только разум человека ищет основания. Основание всегда от-сутствует, на него лишь указывается. Его отсутствие есть пустое Ничто. Оно не обладает ни наглядностью, ни звучанием. В утверждении «ничего нет без основания» содержится двойное отрицание. Если перевести это высказывание в утверждение «всякое сущее имеет основание», то возникнет констатация факта существования. Это утверждение, достоверность которого может быть проверена только путем соотнесения с уже-существующим основанием этого утверждения. То есть всё существующее имеет основание как возможность осуществления существования сущего. Это положение не нуждается в доказательстве, оно очевидно. Через двойное отрицание «ничего без» выговаривается неизбежность существования. «Любое сущее с необходимостью имеет основание» [3. С. 25].

Основание становится очевидным положением. Положение об основании оказывается уже-положенным и не требует доказательств. Оно может проговариваться либо через отрицание «Ничего нет без основания», либо через утверждение «Любое сущее имеет основание». Отличие только в грамматической форме высказывания или в конфигурации положения. Положение основания как бы пред-шествует основанию, это положение есть место основания. Пустое место, которое высказывается множеством разных способов. «Положение об основании есть основоположение всех основоположений» [3. С. 28].

Вопрос об основании всегда приводит нас к положению об основании. Само положение – это всегда уже Нечто, и, следуя логике, это Нечто должно иметь основание, но тогда и следующее основание также отсылает нас к другому основанию. Возникает дурная бесконечность. То есть основание основания всегда без-основательно! Возникает риск гибели мышления. Но здесь мы можем и констатировать ситуацию парадокса. Чем больше мы пытаемся обосновать основание, тем больше мы уходим в безосновательность. Положение об основании приводится к основанию оснований. Основание оснований – это повтор и разворот к самому себе – «Я – Я – Другой». Начинается рефлексия основания. То есть возникает вопрос об основании. Положение об основании приводит нас к вопросу об основании. Утверждение оборачивается вопросом. Возникает герменевтический круг, то есть возникает мышление. Если взять положение об основании как аксиоматическое, то наступит конец мышлению (электронные и вычислительные машины). Аксиома стоит первой в системе иерархий принципов и оснований.

Мы приблизились к тому, что нечто оказывается без-основным. Нечто – без основания, то есть ничего – без основания. Однако, того, что содержит в себе противоречие, быть не может. «Положение об основании – без основания» – это противоречит самому себе, и поэтому невозможно. Однако то, что нельзя представить, можно помыслить! То есть высказывание положения об основании может происходить различными способами. Греческая аксиома, латинский принцип и немецкое основоположение. Это лишь указывает на то, что место-положение основоположения включает в себя все имеющиеся и предполагаемые способы разворачивания и выговаривания Нечто. Но это Нечто не сводится к одному, например, к аксиоме, то есть Нечто не является конкретным Нечто. Это Ничто! Это способность языка предъявлять себя множеством различных способов.

Лейбниц связывал основание с причинностью. Принцип основания – это всегда некий эффект принципа причинности. Лейбниц задает новый принцип положения об основании: *principium reddendae rationis* – «возвращать основание обратно». То, что встречается познающему Я, презентруется обратно на него и навстречу ему. В познающем представлении познающему Я до-ставляется основание. Представленным в познании является «предмет». Он статичен. В отношениях представления всегда есть представляющий и представленное. «Предмет» находится в противостоянии, и он

всегда «уже-есть». Отсюда нечто есть, то есть положение об основании, становится принципом для всего, что есть. Основание всегда до-ставляется познающему субъекту. Мыслящий субъект дает возможность высказываться основанию, которое ему доставляется. «Великое и постоянное в мышлении мыслителя заключается в том, чтобы умышленно дать слово тому, что всегда уже звучит» [3. С. 55]. Итак, мы подошли к тому, что основание всегда есть Нечто. Нечто относится ко всему, что есть. В философии Нечто разворачивается до своего предельного состояния – до Бога. Основанием всех оснований становится «Бог». Это самый могущественный принцип – основание всего сущего. Поскольку положение об основании Бога является действительным, то Бог существует (Декарт). Первой причиной тоже является Бог. Таким образом, всё, что уже-существует, существовало как основание, которое было до-ставлено познающему субъекту. Всё, что есть, всегда следствие основания, которое до-ставляется. Сам «предмет» всегда обеспечен основанием.

Здесь возникает вопрос, откуда идет требование «доставки основания»? «Ничего нет без основания» трансформируется в вопрос «ничего нет без «почему»? «Роза есть без «почему»; она цветет потому что она цветет» (Силезиус). «Почему?» устанавливается как основание для ответа; «потому» – выпущенное обоснование. Даже если роза цветет, потому что она цветет, она в любом случае задает отношение к «потому». Здесь отношение задается через от-сутствие «почему». «Потому» лишь подтверждает отношение к основанию. «Ничто не есть без основания». Субъектом является всякое сущее, предикатом считается «иметь основание». То есть основание как бы высказывает сущее. Оно не высказывается об основании, основание высказывается о сущем. Сущее пред-ставлено субъекту. Субъект «вглядывается» и «в-слушивается» в сущее. Здесь таится опасность для мышления. Сущее всегда пред-ставлено как «сущее», а не как сущее. Мышление не воспринимается нашими органами чувств. Однако ухо не может слышать, как и глаз не может видеть! Мышление обнаруживает «увиденное» и «услышанное». Мы можем слышать только благодаря со-ответствованию. «Сущее» нас призывает к ответу! Или бытие, которое бытийствует как субъект в пространстве языка со-ответствия!

«Ничто не есть» – есть форма глагола «быть», существовать – никакое сущее не есть без основания – основанием является бытие сущего. «Бытие бытийствует в себе самом как основывающее». Основание в самом «есть» или «бытии». Бытие как основание – скрыто, оно как бы за сущим, оно при сущем; «положение об основании есть сказывание о бытии» [3, с.93]. Сущее всегда имеет основание в бытии. Бытие и основание тождественны, но не равны друг другу. Бытие есть основание, поэтому бытие не может обладать никаким основанием, отсюда бытие не имеет никакого основания! Основание отпадает от бытия. Бытие является без-дной, поскольку бытие является основывающим, постольку само оно без-основательно. Есть только сущее, бытие же не есть! Это всего лишь язык! Положение об основании трансформировалось в «положение» языка. Это и есть скачок в бытие!

Бытие становится самым «между», где циркулирует и обращается собственно сама философия. «Между» кодифицирует онтологию связи, бытие-друг-с-другом. Можно предположить, что заданное круговое движение без основания может обернуться потерей любого смысла. «И именно этот хиазм, или круг, и беспокоит нас, в растерянном и встревоженном понимании того, что общество только и делает, что замыкает круг, без субстанции, без основания, без цели» [2. С. 96]. Однако сам Нанси отвечает, что это самопредставление общества в структурах социального и есть само «общество».

Говорение всегда телесно (звуки), но то, что сказано, – не-телесно, это не-телесное целое мира. В мире – это наружу мира, и-сток (о-статок). Отношения и-стоков – это отношение смысла. Смысл мира не имеет ни начала, ни конца – это круговорот смысла как со-бытие при-сутствия. Диалог с самим собой – это диалог со всеми, с-собой-как-с-Другим (Сократ). Точка Я есть исток смысла, который связан с другим множеством истоков, то есть единичность транс-индивидуальна. Индивид – это пересечение единичностей в одновременности. Поэтому «язык» – это всегда множество голосов. То, что человек выставляет через говорение, является миром «бытие-вместе-со-всем-сущим». Человек выставлен напоказ миру, благодаря чему мир удерживается в своей множественности. «Роза растет не потому, что она растет сама по себе» (спор с Хайдеггером), а потому, что с ней рядом растет шиповник, чертополох, человек. Целое сущего есть собственная причина, и нет у него никакой другой. У сущего есть собственная диспозиция и множественность единичностей.

Когда мы начинаем говорить о смысле, то мы уже обнаруживаем некий смысл. Мы не имеем смысла потому, что сами являемся смыслом. В смысле производится и циркулирует сигнификация. Значение сообщается, сообщение уже – есть смысл. Смысл – это собственное сообщение смысла о себе самом. Например, бытие дано нам как смысл. Бытие само по себе не имеет смысла, но смысл дан

нам как бытие. Смысл тождественен бытию. Смысл является разделением бытия. Разделение как раздвигание, опространствование смысла. Чистое неразделенное присутствие – это не-бытие, имплозия некоего бытия, которого никогда не могло бы быть. Творение бытия есть эксплозия присутствия смысла, его опространствование. Этот переход концептуален, он присутствует только в пространстве смысла или в пространстве языка. Это логическое пространство. Это пространство говорения языка. Говорящий говорит, чтобы мир стал «миром». С одной стороны, смысл предъясняется через язык, который означает вещь. С другой стороны, слово тождественно ничто, поэтому смысл бесконечно, предъясняясь, ускользает. Мысль циркулирует в пространстве мышления. Что является пределом смысла и его началом?

«Мы» – начало и конец мира. Однако «мы» в качестве «вместе» не является субъектом. Субъектом является человек, который может произвести смысл. Человек в качестве индивида есть определенная единичность. «Вместе» может существовать только как «мыслимое». Смысл говорит через нас, пропускается через нас в отношении к Другому. «В-месте» оказывается местоположением «смысла». С одной стороны, единичность проговаривается на языке «множественности». С другой стороны, «множественность» пропускается через точку единичного и становится о-пределенной. Это и есть со-бытие бытия. «Мы» – местоположение бытия. Движение смысла – это движение от одной единичной точки к другой, где смысл опространствуется во «множественности». Все происходит «между». Касание одного сущего с другим – это всегда разделение, указывающее на разнородность соприкасающихся поверхностей. «Люди» – это всегда множество. «Человек» – возможность дифференциации конструкции. Несмотря на то, что любым именем называется множество людей, мы всегда имеем дело не просто с Марией, а Марией в определенном состоянии, то есть «Мария» – это инвариант вариантов. Таким образом, «между» – это место, которое в настоящем является пустым, но в прошлом это уже-след, наполненное «место», как в прошлом, так и в будущем. «В итоге философия – это мышление о со-бытии, и поэтому она сама также есть мышление – вместе как таковое» [2. С. 60].

Итак, философия в современном ее состоянии оказалась на пределе. Разделенность философии на фундирующие классическую онтологию структуры «субъект – объект», «реальное – идеальное», «бытие – существование» привела ее к исчерпанности собственных смыслов. Декартовский дуализм стал «проклятием» философии. Смыслы начали «застевать» в онтологии «двоицы». Они оказались конечными. Возникла необходимость создания новой онтологии, новой философии, которая смогла бы выйти за пределы процессов объективации и субъективации. Возникла настоятельная потребность в сохранении смысла. Смысл необходимо должен быть положен, то есть смысл должен иметь место. Таким местоположением становится диспозиция «между». «Между» – ничто, пробел, пауза, цезура. «Между» – единственное место обитания Ничто, или Языка. Язык всегда избыточен по отношению к существованию. Эта избыточность и указывает на существование «более, чем один». Это и есть конституирование «бытия», которое всегда ускользает как то, что выходит за границы самого существования. Бытие не принадлежит самому существованию, но оно может существовать только в со-отношении с существованием, или сущим. Это со- в со-отношении и задает пространство «между» как «между одним и другим», как «бытие-друг-с-другом». Это и есть собственно бытие «мы». «Мы» является способом представления бытия. «Мы» не существует как объект, «мы» существует только как со-общество единичных субъектов, чье существование задается только как отношение к Другому. Единичное – множественное бытия позволяет мышлению, и собственно, философии с-быться в пространстве социального, которое автоматически задается структурой «мы» как со-общества. Философия снова разворачивается к человеку, так как именно человек является началом и концом мышления, началом и концом социального, началом и концом мира. Смысл бытийствует в процессе осуществления коммуникаций, которые всегда уже – есть, как и мир. Поскольку коммуникация есть движение языка, а язык принадлежит человеку, постольку бытие будет всегда осуществляться как со-бытие в точке «мы», как способа идентификации индивидуального мыслящего субъекта через Другого. Таким образом, философия как бесконечное вопрошание человека о самом себе и смыслах бытия в структуре «единичное / множественное» не просто сохраняет себя, но и открывает бесконечную потенцию самоопределения бесконечно возникающих новых смыслов существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадью А. Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. 184 с. (XX век. Критическая библиотека)
2. Нанси Ж.–Л. Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.

3. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 290 с.
4. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический Проект, 2010. 351 с.
5. Шеллинг Ф.В.Й. Введение к наброску системы натурфилософии, или о понятии умозрительной физики и о внутренней организации системы этой науки // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 637 с. (Филос. наследие. Т. 102). С. 182-226

Поступила в редакцию 15.07.16

O.V. Sokolova

THE ONTOLOGICAL TURN OF PHILOSOPHY IN MULTIPLICITY STRUCTURES

In the modern world, philosophy reaches a limiting state in the search for its own "place" in the space of "meaning", that is, in the search for its own ontological grounds. It is obvious that man was and is the beginning and the end of philosophy as the ability to philosophize and think. However, in today's world of dominance of technologies, implementation of biopolitics, unprecedented development of technology, man as an existential being is completely objectified in the structures of social reality and finally loses the ability to think. In this case, philosophy should disappear along with the elimination of the subject. However, the subject is determined solely as a thinking subject, therefore, the subject can be exclusively a linguistic subject. Language is always redundant with respect to reality and to man. It is an infinite multiplicity, which produces an infinite set of new meanings. Since language is Nothing, the "location" of language is a space "between", which is exhibited in a pause, space, and caesura. This is something that does not belong to existence, but co-exists with it. This is the entity proper, the entity of meaning. The meaning is always imposed beyond existence, but is self-determined only at the point of creation. Co-existence always presupposes the existence of another entity which is always greater than one. Co- becomes a basis of modern ontology, which eliminates Cartesian dualism in the structures of plurality. Co- is the possibility of an infinite number of configurations of meanings, which are formed by the movement and touch of many people that exist in the social space of a polis.

Keywords: philosophy, metaphysics, limit, deconstruction, redundancy, multiplicity, dyad, Cartesian dualism, basis, presence, "between", communication, "single / multiple" configuration, co-existence, polis.

Соколова Ольга Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: yandelf@yandex.ru

Sokolova O.V.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: yandelf@yandex.ru